

JUS PUBLICUM
UNIVERSALE ABSOLUTUM¹

И. Кант*

De potestate legislatoria,
executoria et inspectoria²

Лекции по естественному праву
Файерабенда (фрагмент)

Курс лекций по естественному праву читался Кантом в летнем семестре 1784 г. и затрагивал круг вопросов, разбираемых затем в «Учении о праве» «Метафизики прав» и в ряде других печатных работ. Это и придает записям данных лекций особую ценность для исследователей кантовской философии, предоставляя в их распоряжение ценный материал для исследования процесса становления естественно-правовой проблематики у Канта.

Такую же картину мы наблюдаем и с вопросом о положении различных церквей в государстве и прав граждан в делах религии. Представленный вниманию читателя перевод является разделом «Государственного всеобщего права», традиционного для правовых компендиумов того времени. Однако сходные по содержанию фрагменты мы находим и в его печатной работе – в статье «Ответ на вопрос: Что такое Просвещение?», написанное в том же 1784 г.³

Potestas legislatoria (законодательную власть – лат.) можно разделить на *rectoria* (правительственную – лат.) и *diiudicaria* (судебную – лат.). Обе последние подчинены первой и составляют порядок [Regiment] и форму справедливости. Какие же полномочия есть у *sovereign* (правителя – фр.)? Может ли он определять закон об отдельных гражданах? Может ли монарх

¹ Государственное всеобщее безусловное право (лат.). Перевод осуществлен по изданию: Kant I. Lezioni sul Diritto Naturale (Naturrecht Feyerabend) / a cura di N. Hinske, G.S. Bordoni. Milano, 2016. P. 209–216. Перевод выполнен при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 16-03-00806а.

* Поступила в редакцию: 04.02.2017 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2017-3-5

© Крыштоп Л. Э., пер., 2017

² О власти законодательной, исполнительной и блюстительной (лат.)

³ Подробнее о сходствах и различиях рассмотрения вопросов положения разных религий в государстве в записях лекций Канта по естественному праву и в его статье «Ответ на вопрос: Что такое Просвещение?» см.: Крыштоп Л. Э. Кант о правах граждан в делах религии: к вопросу формирования концепта веротерпимости в эпоху Просвещения в Германии // Кантовский сборник. 2017. №36 (2). С. 24–33.

сам управлять [administrare] своим государством? Этого он не может. У него должны быть для этого слуги. Он также не может сам судить, для этого ему нужны судьи [Majestätē]. Souverain унижает свое достоинство, если он осуществляет управление [actus administration] и суд [Jurisdiction], ибо величие состоит в святости его особы, а святость, в свою очередь, состоит в том, что его воля всегда права. Тот, кто управляет, подчиняется закону. Ему можно сказать: ты делаешь неправильно. Вершить правосудие также противно его величию, так как судья подчиняется закону. Он может только следовать закону и может быть принужден к тому, чтобы следовать ему. *Voluntas imperantis est irreprensibilis* (воля правителя безупречна — лат.), и его закон, следовательно, *lex civiliter valida* (является законом, обладающим гражданско-правовой силой — лат.). Он является *positive* (позитивным — фр.). Каждый в народе или *subditus* (подданный — лат.), или *Civis* (гражданин — лат.). — В первом случае *Imperans* (правитель — лат.) — *despot.* *Civis* — подчиненный, но не *subditus*. Он рассматривается так, как будто управляет по своей собственной воле. Соответственно, монарх может управлять одновременно подданными, как и гражданами. Законы должны публиковаться. *Imperans* имеет право отменить [abrogare] закон, а также исключить кого-то из [сферы действия] закона. Освобождение [Exemption] *in casu singulari* (в единичном случае — лат.) является иммунитетом. Спрашивается, может ли *summus Imperans* (верховный правитель — лат.) освободить от соблюдения законов? *Privilegium* (привилегия — лат.) отличается от иммунитета; посредством первого он наделяется новым правом, и первое, и второе может совершаться в соответствии с всеобщей волей. Один лишь *summus Imperans* обладает правом трактовать свои законы, а судья — их применять. Трактовка, даваемая законодателем, называется *interpretatio authentica* (аутентичное толкование (лат.)). Трактовка бывает либо расширенная [extensive], либо ограниченная [restrictive]. *Interpretatio doctrinalis* (доктринальное толкование — лат.) дается доктрине учеными в научном отношении. Она непреодолима [irresistible], и поэтому также имеет *vim executorialiam* (исполнительную силу — лат.). *Imperans* обладает также и *potestatem inspectariam* (блюстительной властью — лат.). Он может наводить справки, если хотят что-то от него утаить.

De jure circa munera et dignitates civiles et circa reditus publicos⁴

Всякая *negotia publica* (государственная служба — лат.) является либо *negotia majestatica* (императорская служба — лат.), либо *officia civilia* (гражданская служба — лат.)⁵. *Negotium publicum* — это служба. Гражданский служащий — это *Persona publica* (государственное лицо — лат.), противопоставленное частным лицам. Блага государства являются либо *publique* (общественными — фр.), либо *privat* (частными — фр.) благами⁶. Доходы (*Reditus*) бывают двух видов. Блага, служащие для поддержания существования правителя и его дома, называются *domainen* (провинциальными — фр.), а для поддержания существования государства — *bona publica* (государственные

⁴ О праве касательно повинностей и провинций и касательно государственных доходов (лат.)

⁵ Здесь Кант явным образом следует за Г. Ахенвалем (см.: Achenwall G. *Juris naturalis pars posterior*. Göttingen, 1781. § 120. P. 105–106; § 104. P. 86–87).

⁶ См.: Achenwall G. *Juris naturalis pars posterior*. Göttingen, 1781. § 123. P. 109.

блага — лат.)⁷. Доходы самого *Imperanti* (правителя — лат.) называются *Fiscus* (государственная казна — лат.). Все *onera* (повинности — лат.) либо *onera*, либо *tributum* (налоги — лат.)⁸.

De potestate judiciaria et jure armorum⁹

Summum Imperans обладает *jus armorum* (военным правом — лат.). Он обладает правом воздействовать как на внутреннюю, так и на внешнюю безопасность. Так какое же право есть у регента заботиться о безопасности народа? Оно является лишь несовершенным долгом. Его совершенная обязанность — заботиться о безопасности своего народа. Подданные могут затем сами подумать о своем счастье. Он не должен заставлять их молчать: он правит не детьми, а гражданами; поэтому каждый уже сам может позаботиться о своем счастье.

De jure circa felicitatem publicam¹⁰

Счастье государства всегда необходимо отличать от счастья отдельных его членов. Государство процветает, когда оно находится в полной безопасности. Его счастье состоит в том, чтобы оно [государство] сохраняло свое существование. Но его несовершенным долгом является также забота и о счастье каждого частного гражданина¹¹. Поэтому оно должно иметь караульных, чтобы поддерживать внутреннюю безопасность. Оно должно иметь войска, чтобы обеспечить внешнюю безопасность. Деньги должны находиться в стране. Поэтому оно может препятствовать ввозу иностранных продуктов [Producte]. Но может ли оно полностью это запретить — это уже другое дело. Точно так же является вопросом, относится ли к правам правителя запрет эмигрантов [Emigrationen]¹²? Правда, не понимают, почему гражданин не свободен и должен вступать в союз, который ему не нравится. Однако граждане обладают в отношении друг друга правами. Ведь другие могли бы сказать: ты не можешь уйти и оставить остальных в

⁷ Ср.: *Achenwall G. Op. cit. § 124. P. 111.*

⁸ Ср.: «Гражданские повинности (*onera ciuilia*) вообще состоят в том, что подданные обязаны предоставлять ради общественного блага (давать или делать), в частности же в общественных расходах, поскольку они должны быть получены от подданных. Налоги (*tributa*) — это то, что подданные должны уплатить из своего имущества для общественных расходов, и в основном — деньги, которые взимают с подданных» (*Achenwall G. Op. cit. § 125. P. 112.*)

⁹ О судебной власти и военном праве (лат.).

¹⁰ О праве касательно счастья государства (лат.).

¹¹ Дж. Садун Бордони в переводе данного фрагмента на итальянский язык высказывает предположение, что в данном случае мы имеем дело с допущенной в манускрипте записей лекций ошибкой и вместо счастья каждого отдельного гражданина здесь имелась ввиду безопасность каждого отдельного гражданина (см.: *Sadun Bordoni G. Note al testo // Kant I. Op. cit. P. 277–278.*)

¹² Ср.: *MS. MS. A 207–208 / B 237–238; T. 6. S. 374.* В данном случае Кант следует Ахенваллю, который также приписывает правителю право принимать решения относительно приема чужеземцев и ограничения эмиграции (см.: *Achenwall G. Op. cit. § 130. P. 117.*)

опасности быть полностью захваченными¹³. Но все же сделать из этого право является двусмысленным. В природе свободы заложено, что каждый сам оценивает свою работу.

De jure circa religionem et ecclesiam¹⁴

Права, касающиеся религии. *Summum Imperans* не может обладать большим [объемом] прав, чем весь народ в целом. А может ли народ создать право, в соответствии с которым его принятая религия как некая вечная формула навсегда осталась бы без изменений? Этого не может ни один народ¹⁵. Религия должна придавать нашей воле упорство и *Effect* (действенность — лат.). Поэтому естественно, что мы должны стараться все более расширить наши горизонты. Следовательно, нужно было бы отказаться [*renunciren*] от всех достигнутых знаний¹⁶. Поэтому *souverain* (правитель — фр.) не может ни приказать [исповедовать] какую-либо религию, ни запретить¹⁷. Он также не может удерживать людей от распространения [*bekannt zu machen*] их религии. Отсюда следует, что хотя он и может защищать господствующую религию и платить учителям, но не может принять закон о том, что в религии не должно ничего меняться¹⁸. Догмы религии государства не касаются. Но если бы они противоречили правам человечности, то государство могло бы вмешаться. Но как [обстоит дело с тем], когда священнослужитель впоследствии следует другим воззрениям и выдвигает учение, противоречащее его контракту [*Contracte*]? Его контракт не распространяется на то, что он не должен иначе думать, но распространяется на то, что он не должен иначе говорить: он обязан скрывать [*dissimuliren*], но не лицемерить [*simuliren*]. В то же время он не обязан учить тому, что противно его основоположениям. Поэтому правитель земли может сказать: как ученые вы можете расширять свои воззрения, но как священники вы должны [их] скрывать. Учитель в качестве ученого всегда должен быть сво-

¹³ О необходимости разрешения правителя для того, чтобы покинуть государство, прямо говорит Хр. Вольф: «Никому не разрешено покидать государство без соизволения правителя, будь то гласного или негласного» (*Wolff Chr. Grundsätze des Natur- und Völkerrechts. Halle, 21769. § 1019. S. 718*). В то же время Кант, судя по всему, полемизирует с этой точкой зрения, хотя и не вполне однозначно, полагая, что введение такого положения в качестве строгого права неправомерно. Более открыто по этому поводу он высказывается в «Учении о праве» «Метафизике нравов»: «Подданный (рассматриваемый также как гражданин) имеет право эмиграции; ибо государство не могло бы удерживать его как свою собственность» (MS. A 207/ B 237; T. 6. С. 374).

¹⁴ О праве касательно религии и церкви (лат.).

¹⁵ См.: «Тем, чем не может распоряжаться сам народ, не может [распоряжаться] и *souverain*, как, [например], отказаться от всех исследований религии и запретить свободу в этом отношении» (*Kant I. Refl. 7797 // AA. XIX. S. 519–520*).

¹⁶ Последние две фразы несколько выбиваются из общего хода повествования, в силу чего можно предположить, что, возможно, изначально они должны были быть заметками на полях (см.: *Sadun Bordoni G. Note al testo // Kant I. Op. cit. P. 278*).

¹⁷ Ср.: *Kant I. Refl. 8003 // AA. XIX. S. 579*.

¹⁸ Ср.: «Но тем не менее долгом совестливости даже в отношении религии является не вводить такие ограничения свободы, которые делают прогресс к совершенству для человеческого рода невозможным» (*Kant I. Refl. 7796 // AA. XIX. S. 519*).

боден высказывать предложения относительно улучшения религии¹⁹, но это не относится к нему, как к учителю на службе. Поэтому его и нельзя ни считать лицемером на службе, ни освободить его от службы²⁰. Поэтому совершенно не во власти *summi imperantis* (верховного правителя — лат.) запретить просвещение. Его долгом будет препятствовать вмешательству внешней религии и не позволять священнослужителям становиться *деспотами*.

De jure circa administrationem reipublicae extrinsecam²¹

Право, которым *souverain* обладает в отношении внешнего состояния государства [des gemeinen Wesens], состоит в том, что он может издавать законы, касающиеся отношений с другими государствами. У него могут быть солдаты, и у него есть право рекрутировать солдат.

De jure eminenti²²

Здесь обсуждается право правителя *in casu necessitatis* (в случае необходимости — лат.) подчинять спасение [Erhaltung] отдельного гражданина спасению целого. Они [граждане] объединяются всеми силами, чтобы сразу же издать законы и защитить себя. Каждый закон должен появляться только со всеобщего согласия, следовательно, закон, согласно которому спасается большинство, а благополучие остальных этому подчинено, является неправым. Может ли государство пожертвовать отдельным гражданином во благо государства? Нет, ибо не все согласились бы с этим. Возможно чтобы люди приносили в жертву свое существование во благо Отечества, но это *officium amoris* (обязанность любви — лат.), а не *necessitatis* (необходимости — лат.). Автор говорит: *souverain* имеет [на это] право, так как закон спасения целого — верховный закон, которому закон спасения отдельных граждан должен уступать²³. Это должно быть не из *favore necessitatis* (необходимой благосклонности — лат.), но [это должно быть] действительное право²⁴. *Homo perducitur in casum necessitatis* (человек находится в случае [крайней] необходимости — лат.), если спасение его жизни возможно не иначе как посредством нарушения прав другого. Здесь любое право прекращает свое

¹⁹ Ср.: «У всех учителей религии есть право проверять свою религию, а также [право] на возражения, сомнения и изменения в отношении нее. И даже у тех, кто служит какой-либо церкви, так как именно они или же их предки придали форму религии, а следовательно, они должны суметь ее улучшить» (*Kant I. Refl. 7794 // AA. XIX. S. 519*).

²⁰ Ср.: «Государство может препятствовать тому, что кто-то научает иначе, нежели так, как он призван, но не может препятствовать тому, чтобы каждый публично высказывал предложения по всеобщему улучшению» (*Kant I. Refl. 8008 // AA. XIX. S. 580*).

²¹ О праве касательно внешнего государственного управления (лат.).

²² Об особом праве (лат.).

²³ См.: *Achenwall G. Op. cit. § 146. P. 136–137*. Дж. Садун Бордони отмечает, что Кант противоречит здесь не только положению, высказываемому Г. Ахенвалем, но также некоторым образом и прусским законам, чем и объясняет тот факт, что Кант сознательно выражается в этой главе не совсем ясно (см.: *Sadun Bordonni G. Note al testo // Kant I. Op. cit. P. 278*).

²⁴ См.: *Achenwall G. Op. cit. § 146. P. 136–137*.

действие²⁵. Но поступок по-прежнему является неправым, так как *laesus* (пострадавший — лат.) может сопротивляться. Но он правомерен по *jure externo* (внешнее право — лат.), так как он не был вызван принудительно никакими уголовными законами. Ибо уголовные законы здесь невозможны, так как они ничем не могут меня покарать, кроме жизни, а я и так здесь нахожусь в ситуации угрозы жизни, следовательно, зло, от которого я убегаю, не меньше наказания. Но это собственно не является правом, поэтому и называется *favor necessitatis*. Смешно говорить: ты должен будешь лишиться жизни в будущем, если не хочешь лишиться ее сейчас. Угроза в настоящем больше угрозы будущей. Никаким законом невиновному не может быть запрещено использовать все мыслимые средства для сохранения своей жизни. В *statu naturali* (в естественном состоянии — лат.) один нападает, а другой защищается. Мы можем все согласиться с уголовными законами, содержащими в себе также и смертную казнь, имея намерение никогда этого не делать, так как я знаю, что это не по праву. Но желать лишиться жизни во благо других — это *pactum turpe* (постыдный договор — лат.)²⁶. Но кто-то может сделать это, чтобы спасти самого себя²⁷, так как тогда он будет спасен в большем числе случаев. Но в это сложно поверить. Кто может судить, находится ли государство в *statu extraordinario* (чрезвычайном положении — лат.)? Государство не будет спасено, но будут спасены остальные граждане, ибо иначе и он [пожертвовавший собой] должен был бы тоже спастись. Сколько должно быть в обществе [тех], для спасения которых должно пожертвовать другими. Положение очень вредоносно и неопределенно. Сюда же относится и *dominium eminens* (особая власть — лат.) в случае крайней необходимости распоряжаться благами некоторых, а также право распоряжаться свободой, жизнью и т.д.²⁸.

Перевод с нем. Л. Э. Крыштон

О переводчике

Людмила Эдуардовна Крыштон — кандидат философских наук, доцент кафедры истории философии, Российский университет дружбы народов (РУДН), Россия, ricpatric@gmail.com

About the translator

Ludmila E. Krysh-top, CSc in Philosophy, Assistant-Professor at Department of History of Philosophy, Faculty of Humanities and Social Science, RUDN University (Peoples' Friendship University of Russia), Russia, ricpatric@gmail.com

²⁵ Ср.: MS. AB 42; Т. 6. С. 259.

²⁶ Возможно, здесь Кант имеет ввиду, что с такого рода законом постыдно было бы соглашаться.

²⁷ Смысл этого фрагмента не до конца ясен. Возможно, его следует понимать таким образом, что кто-то мог бы согласиться на принятие такого закона, предписывающего необходимость жертвовать своей жизнью, в надежде на большую вероятность того, что не ему самому придется жертвовать своей собственной жизнью ради спасения всего общества, а кому-то другому, кто, спасая все общество, тем самым спасет и этого конкретного человека.

²⁸ См.: Achenwall G. Op. cit. § 146. P. 137.